

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-81

Чуйков, Василий Иванович.
Ч-81 От Пекина до Берлина, 1927–1945 / Василий Чуйков. —
Москва : Алгоритм, 2015. — 832 с. — (Маршалы Сталина).

ISBN 978-5-906789-31-0

Впервые в одном томе — все воспоминания маршала, начиная с тех пор, как он выполнял военные миссии в Китае, и заканчивая последними днями Великой Отечественной войны. Многие из них не переиздавались десятилетиями.

В годы Великой Отечественной Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза Василий Иванович Чуйков командовал 62-й армией, впоследствии преобразованной в 8-ю гвардейскую. У этой армии большая и интересная история.

Она была сформирована летом 1942 года и завоевала себе неувядаемую славу, защищая Сталинград. Читателям известна книга В. И. Чуйкова «Начало пути», рассказывающая о боевых действиях 62-й армии при обороне Сталинграда. В этой книге автор рассказывает о том, как в составе 3-го Украинского фронта 8-я гвардейская армия принимала активное участие в освобождении Украины, форсировала Днепр, громила вражеские группировки под Никополем и Запорожьем, освобождала Одессу.

**УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-906789-31-0

© Чуйков В., 2015
© ООО «ТД Алгоритм», 2015

Массово-политическое издание

МАРШАЛЫ СТАЛИНА

Чуйков Василий Иванович

**ОТ ПЕКИНА ДО БЕРЛИНА
1927—1945**

Редактор *Е.Ю. Бузев*
Художник *Б.Б. Протопопов*

ООО «Алгоритм»
Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algorithm-izdat.ru>
Электронная почта: algorithm-izdat@mail.ru
Интернет-магазин: <http://www.politkniga.ru>

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 20.03.2015.
Формат 84x108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 43,68.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-906789-31-0

СРАЖЕНИЕ ВЕКА

На дальних подступах

1

Начало войны застало меня далеко от Родины, в Китае. Я стоял тогда Главным военным советником Чан Кайши и советским военным атташе в Чунцине. Чан Кайши был в то время главнокомандующим всех китайских вооруженных сил.

Когда я уезжал в Китай, война уже в полную меру охватила всю Западную Европу. Пали панская Польша, Норвегия, Бельгия, Нидерланды, Франция. Ожидалось фашистское вторжение на Британские острова. Мужественные английские летчики отражали массированные удары фашистского воздушного флота по мирным городам. Горел Лондон, превращался в руины Ковентри. Торжествовала фашистская доктрина войны: крупные механизированные колонны, война моторов, взаимодействие танковых соединений с авиацией, подводная война.

После войны, когда нам стали доступны гитлеровские архивы, мы узнали, что уже осенью сорокового года Гитлер отказался от мысли форсировать Ла-Манш. В стратегические и тактические решения явно вмешивались соображения политического характера. Нам, людям военным, это стало ясно, как только форсирование Ла-Манша перенесено было гитлеровским командованием на весну сорок первого года.

Критическое положение Англии после Дюнкерка, когда английскому экспедиционному корпусу с большим трудом удалось выскользнуть, заметно выправлялось. Воздушные налеты на Англию не поставили английский народ на колени. Выравнивалось и соотношение сил в воздухе. Из США в Англию шли караваны судов с самолетами. Промышленность Америки, пока еще медленно, но переводилась на производство вооружения всех видов.

Англия получила передышку для вооружения и подготовки к отпору. Гитлер понимал, что битва за острова проигрывалась еще до ее начала. Англия наращивала свои силы, обострились отношения с США, Япония ждала момента, чтобы

вступить в борьбу за передел мира, за решение тихоокеанской проблемы «Азия для азиатов».

Могли ли мы считать в этой обстановке пакт о ненападении, подписанный 23 августа 1939 года, серьезной гарантией своей безопасности?

События могли развернуться для нас очень неблагоприятным образом. Гитлер мог достигнуть договоренности с Японией о совместном нападении на нашу страну с запада и с востока.

В мои задачи входило тогда выяснить позицию Японии; куда она устремится на север или на юг, решится ли она нанести удар по нашему Дальнему Востоку, или ввяжется в конфликт с США за передел Юго-Восточной Азии?

В позиции Японии было много неясностей. Ее собственные сырьевые ресурсы были исчерпаны, и, проводя по-прежнему милитаристскую политику, она должна была расширить границы своей агрессии. Куда? Вот в чем вопрос. Она оккупировала жизненные центры Китая, но не закрепила их.

По различным каналам из разнообразных источников в Москву стекались сообщения, что Гитлер готовит поход на восток, что в конце весны или летом может последовать нападение на Советский Союз. Даже в далеком Китае я получал такого рода информацию.

Весной сорок первого года к сообщениям о готовящемся нападении на нас Германии надо было относиться с большой осторожностью. Это же не секрет, что, повернув свой удар на восток, Гитлер избавлял Англию от серьезных угроз, по крайней мере, на несколько лет. В желающих повернуть гитлеровскую агрессию против Советского Союза недостатка не было и в прошлом, и особенно тогда, в 1941 году. Советское правительство и советская дипломатия делали все возможное, чтобы избежать войны. Это было главной задачей советской внешней политики.

Нам необходимо было выиграть год, два года, чтобы завершить перевооружение армии.

Наша авиационная промышленность имела опытные образцы самолетов, превосходящие немецкие самолеты по боевым качествам. Опытные образцы уже запускались в серийное производство. В Красной Армии создавались механизированные корпуса. Наша промышленность осваивала серийный выпуск танка Т-34 и КВ, которые по боевым качествам превосходили все немецкие танки. Запускались в серию новые виды стрелкового оружия

Теперь известно, что мы имели множество неопровержимых сообщений о сосредоточении гитлеровских войск вблизи от нашей государственной границы. Наши пограничники указывали даже, где и в каком составе дислоцируются дивизии Гитлера, прибывшие с запада. Сталин обо всем знал. Но Сталин и наше правительство делали все возможное, чтобы оттянуть начало войны, чтобы каким-то неосторожным жестом не спровоцировать вторжение врага. Мы вынуждены были держать мощный заслон и на наших дальневосточных границах.

Гитлер в это время вел острую политическую игру. Различными каналами, через частных лиц, он прощупывал позицию Англии, не пойдет ли английское правительство на мир, не облегчит ли оно ему нападение на Советский Союз?

Гитлер все же решился на вторжение в Советский Союз, получив тем самым войну на два фронта. Были ли даны ему какие-либо надежды, что после вторжения Англия пойдет с ним на мир? Во всяком случае, такой зондаж с немецкой стороны имел место.

Война грянула.

Мне было тяжело в те дни в Китае, сердцем я был дома, со своими товарищами, которые отстаивали Родину, но задача моя была еще не выполнена.

Обстановка на фронте в лето сорок первого года складывалась тяжелой. Пал Минск, враг захватил Смоленск, прорубаясь сквозь наши заслоны к Москве, окружен Ленинград, пал Киев.

Нарастала опасность выступления Японии. Казалось бы, японские милитаристы не упустят благоприятного момента для нападения на наш Дальний Восток. Но как раз к осени начали проявляться симптомы, что Япония готовится к удару на юг, что она нацеливается на США, пользуясь тяжелым положением Англии.

Об этом шли соответствующие сообщения в Москву, но полностью полагаться на наши источники информации было нельзя. Слишком велик был риск получить удар в спину на Дальнем Востоке. К осени определилось, что Япония готовится к нападению на США.

Наши сообщения помогли Верховному Главнокомандованию вовремя сориентироваться и снять часть дивизий с Дальнего Востока в трудные дни сражения под Москвой.

Япония напала на Пирл-Харбор, США объявили войну Германии.

В начале марта 1942 года я вернулся в Москву и просил направить меня на фронт.

К весне сорок второго года обстановка на фронте значительно разрядилась. Трудная осень сорок первого года была позади. Под Москвой был похоронен миф о непобедимости гитлеровской армии, Красная Армия разрушила надежды немецкой военщины на блицкриг, на быструю победу над Советским Союзом. Но, охваченные авантюристическим азартом, фашистские правители готовили весенне-летнюю кампанию сорок второго года — новое наступление на советско-германском фронте.

По планам немецкого командования сорок второй год должен был стать решающим годом в войне, ибо Гитлер был уверен, что США и Англия не предпримут высадки своих войск в Европе в этом году, у него по-прежнему оставались развязанными руки для действий на востоке.

Однако поражение под Москвой, потери лета сорок первого года, нанесенные Красной Армией захватчикам, не могли не сказаться.

Несмотря на то что к весне сорок второго года гитлеровская армия возросла численно, получила значительное техническое оснащение, немецкое командование не нашло сил для наступления по всему фронту.

В конце 1941 года в гитлеровской армии находилось под ружьем 9500 тысяч, а в 1942 году уже 10204 тысячи. Общий численный состав армии увеличился, а начальник гитлеровского генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Гальдер занес в свой дневник такую знаменательную запись: «На 1-е мая 1942 года на Востоке недостает 318 тысяч человек. Предложено в мае направить в армию на Восток 240 тысяч человек. На период с мая по сентябрь имеется резерв из молодых призывников 960 тысяч человек. Затем в сентябре больше ничего не останется».

Несколько позже в штабе оперативного руководства ОКВ был составлен более точный документ относительно общего состояния гитлеровской армии. В справке, предназначенной для Гитлера, говорилось: «Боеспособность вооруженных сил в целом ниже, чем весной 1941 года, что обусловлено невозможностью в полной мере обеспечить их пополнение людьми и материальными средствами».

И все же к лету сорок второго года Гитлер сумел сосредоточить против нас довольно значительные силы. На советско-германском фронте он располагал шестимиллионной

армией, насчитывающей до 43 тысяч орудий и минометов, свыше трех тысяч танков, до трех с половиной тысяч боевых самолетов. Силы значительные. Начинал войну Гитлер с меньшими.

Правда, на этот раз полоса наступления была сужена. Все силы для нового удара были сосредоточены на южном крыле фронта.

Гитлер предпринял поход на Кавказ с целью захвата нефтяных источников, выхода к границе Ирана, к Волге. Он, видимо, рассчитывал, что на удалении от центра страны сопротивление советских войск не будет столь основательным.

В мою задачу не входит описание всех событий на фронте весной сорок второго года, но, готовясь к рассказу о Сталинградской битве, я не могу в общих чертах не коснуться замыслов фашистского командования, ибо это поможет читателю оценить значение событий, разыгравшихся на Волге.

Выходом на Кавказ Гитлер надеялся втянуть в войну Турцию, что дало бы ему еще двадцать-тридцать дивизий. Выходом на Волгу и к иранской границе он рассчитывал втянуть в войну против Советского Союза и Японию. Выступление Турции и Японии было последним его шансом на успех в войне против нас. Только этим можно объяснить столь широковещательный характер его директивы на весенне-летнюю кампанию сорок второго года.

Обратимся к тексту этой директивы, известной как директива № 41.

Уже вступление содержит не анализ сложившейся обстановки на советско-германском фронте, а пропагандистское пустословие.

Директива начинается такими словами: «Зимняя кампания в России приближается к концу. Благодаря выдающейся храбрости и готовности солдат Восточного фронта к самопожертвованию наши оборонительные действия увенчались большим успехом немецкого оружия. Противник понес огромные потери в людях и технике. Стремясь использовать мнимый первоначальный успех, он израсходовал этой зимой большую часть резервов, предназначенных для дальнейших операций».

Директива — документ секретного характера, документ, с которым имели право ознакомиться ограниченный круг лиц, это документ, в котором не место пропагандистским формулировкам. Он должен точно и трезво оценивать обстановку. Мы видим, что в своей предпосылке немецкое командование совершенно неверно оценивает наши силы, и поражение свое

под Москвой пытается изобразить как военный успех. Недооценивая наши силы, Гитлер в то же время переоценивает свои. Отсюда в этом документе и определяется цель.

«Цель заключается в том, — гласит директива, — чтобы окончательно уничтожить оставшиеся еще в распоряжении Советов силы и лишить их по мере возможности важнейших военно-экономических центров».

«...В первую очередь все имеющиеся в распоряжении силы должны быть сосредоточены для проведения главной операции на южном участке с целью уничтожить противника западнее Дона, чтобы затем захватить нефтеносные районы на Кавказе и перейти через Кавказский хребет».

И тут же следует оговорка.

«Окончательное окружение Ленинграда и захват Ингерманландии откладываются до тех пор, пока изменение обстановки в районе окружения или высвобождение других достаточных для этого сил не создадут соответствующих возможностей».

Эта оговорка показывает, что Гитлер, располагая силами большими, чем те, с которыми он начинал свой поход в Россию, не решился на операции по всему фронту, а все сосредоточил на юге.

Был предпринят удар под Керчью, штурм Севастополя. Гитлер сумел ценой огромных жертв полностью овладеть Крымом, подготовить фланг своего наступления на Кавказ и на Волгу.

Севастополь держался до конца июня, несмотря на все усилия захватчиков овладеть городом непрерывными штурмами.

12 мая 1942 года войска Юго-Западного фронта перешли в наступление, нанося два удара по сходящимся направлениям: с барвенковского выступа в обход Харькова с юго-запада, вспомогательный — из района Волчанска.

События, связанные с этим наступлением, широко рассматривались в исторической литературе и в мемуарах видных советских военачальников. Мне нет нужды рассказывать о них, не нуждаются они и в моих комментариях. Известно, что это наступление окончилось трагической неудачей. Наступление гитлеровцев на Волгу, на Воронеж и на Кавказ было запланировано значительно раньше, оно дало возможность противнику сломать нашу оборону и развить его вглубь и вширь. Гитлеровское командование удачно использовало сложившуюся ситуацию. Бывший гитлеровский генерал Курт Типпельскирх пишет: «Для запланированного немецкого наступления попытка русских помешать ему была только желанным началом.

Ослабление оборонительной мощи русских, которого было не так-то легко добиться, должно было существенно облегчить первые операции. Но требовались еще дополнительные приготовления, которые заняли почти целый месяц, прежде чем немецкие армии, произведя перегруппировку и пополнив все необходимое, смогли начать наступление».

К концу июня гитлеровское командование закончило подготовку наступления.

Теперь мы знаем, что на южном крыле советско-германского фронта от Орла до Севастополя действовала группа армий «Юг».

Группа армий «Юг» была разделена на две группы: группа армий «А» с целью наступления на Кавказ и группа армий «Б» для удара на Сталинград.

На эти группы возлагались задачи разгромить советские войска западнее Дона.

Группа армий «Б» должна была окружить советские войска западнее Дона и соединиться с группой армий «А» в районе Сталинграда. «В любом случае необходимо попытаться достигнуть Сталинграда... Чтобы силы, наносящие удар вниз по течению р. Дон, соединились в районе Сталинграда с теми силами, которые наступают из района Таганрог, Артемовск». Так гласила директива № 41.

Первоначально силы по этим группам были распределены следующим образом.

В группу «А», которой командовал фельдмаршал Лист, вошли 1-я танковая, 17-я и 11-я полевые немецкие армии, а также 8-я итальянская.

Группой «Б» командовал фельдмаршал фон Бок. В нее вошли 4-я танковая, 2-я и 6-я полевые армии и 2-я венгерская. Кроме того, из глубины подходили 3-я и 4-я армии румын.

В общей сложности противник сосредоточил в полосе от Курска до Таганрога около 900 тысяч солдат и офицеров, 1260 танков, свыше 17 тысяч орудий и минометов, 1640 боевых самолетов. Это составляло 50 % танковых и моторизованных соединений противника, находящихся на советско-германском фронте, и 35 % всех его пехотных войск.

С нашей стороны этой ударной группировке противостояли войска Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов. Общая численность наших войск этих трех фронтов составляла 655 тысяч человек. Мы имели 740 танков, 14200 орудий и минометов, свыше 1 тысячи боевых самолетов.

Враг имел не только общее превосходство на юге, но и сумел особо усилить направления главных ударов.

Утром 28 июня 2-я полевая и 4-я танковая немецкие армии и 2-я венгерская перешли в наступление против левого крыла Брянского фронта.

30 июня нанесла удар 6-я армия.

Сталинград был еще далеко, немцы устремились к Воронежу, но сражение сорок второго года началось, втягивая постепенно все большие и большие силы в кровавую мельницу.

3

В мае я вступил в должность командующего резервной армией, которая дислоцировалась в районе Тулы и в течение мая, июня и в начале июля усиленно занималась боевой подготовкой.

В начале июля пришел приказ Ставки о переименовании нашей резервной армии в 64-ю и передислокации ее на Дон. В это время Юго-Западный фронт под ударами немецко-фашистских войск откатывался на восток. Бои шли в районе Россоши, под Луганском и за Воронеж. Нашей армии где-то на Дону или между Волгой и Доном предстояло вступить в бой с фашистскими захватчиками. Быстро погрузившись в эшелоны, войска армии направились в район сосредоточения, между Волгой и Доном.

До Балашова я ехал со штабом армии поездом, а затем, чтобы поскорее уяснить обстановку на фронте и поговорить с фронтовиками, мы с членом Военного совета Константином Кириковичем Абрамовым пересели в легковую автомашину и обогнали свой поезд.

Мы заезжали на крупные станции, чтобы проследить за движением эшелонов нашей армии. На железнодорожные станции и на движущиеся эшелоны систематически совершали налеты фашистские бомбардировщики.

На станции Фролово мы наткнулись на штаб 21-й армии. Начальник штаба при всем своем желании не мог нас проинформировать об обстановке. Где проходит линия фронта, где соседи, где противник — он не знал. Единственное, что я выяснил у него, это то, что штаб фронта находится уже на Волге, в Сталинграде.

Чем ближе мы продвигались к Волге, тем более менялась обстановка. Жители сел и деревень не ждали здесь врага, надеясь, что его наступление будет остановлено. Никто не готовился к эвакуации, шла мирная жизнь в напряженном труде. Убирали хлеб, пасли стада. В городских поселках, на железнодорожных станциях работали кинотеатры. Это спокойствие

нарушалось ночью редким огнем зениток, которые вели огонь по отдельным самолетам противника.

16 июля 1942 года мы прибыли в штаб Сталинградского фронта. Там мы узнали, что противник своими разведывательными и передовыми отрядами вышел на рубеж Чернышевская, Морозовский, Чернышковский, где был остановлен передовыми отрядами 62-й армии.

62-я армия готовилась к обороне на западном берегу Дона на рубеже Клетская, Калмыков, Суровикино, Пещерская, Суворовский. Штаб ее находился на восточном берегу Дона в хуторе Камыши, в 60–80 километрах от войск.

В это время начали выгружаться из вагонов войска 64-й армии: 112-я дивизия — на станциях Котлубань, Качалино, Филонове; 214-я дивизия — на станциях Донская, Музга, Рычков; 29-я дивизия — на станции Жутово. Остальные — на берегу Волги в 120–150 километрах от указанного штабом фронта рубеже обороны.

Штаб фронта переместился в город. Связь работала с перебоями, управление войсками от этого сильно страдало. Я не мог узнать в штабе фронта, куда и когда прибывают эшелоны армии, где выгружаются и где сосредотачиваются; сколько и каких частей уже прибыло и что они делают?

17 июля мы получили директиву командующего Сталинградским фронтом: «64-й армии в составе 229, 214, 29 и 112-й стрелковых дивизий, 66-й и 154-й морских стрелковых бригад, 40-й и 137-й танковых бригад в ночь на 19 июля выйти на фронт Суровикино, Нижне-Солоновский, Пещерский, Суворовский, Потемкинская, Верхне-Курмоярская. На этом рубеже закрепиться и жесткой обороной не допустить прорыва противника на Сталинград. Передовые отряды по одному полку с артиллерией от каждой дивизии иметь на рубеже реки Цимла...»

Задача, поставленная директивой, была явно невыполнимой, так как дивизии и армейские части еще только выгружались из эшелонов и направлялись на запад, к Дону, не боевыми колоннами, а в том составе, как они следовали по железной дороге. Головы некоторых дивизий уже подходили к Дону, а их хвосты были на берегу Волги, а то и в вагонах. Тыловые же части армии и армейские запасы вообще находились в районе Тулы и ждали погрузки в железнодорожные вагоны.

Войска армии нужно было не только собрать после выгрузки из эшелонов, но и переправить через Дон. Указанная в директиве линия обороны Нижне-Солоновский, Пещерский и Суворовский — находилась от переправ через Дон у Верх-

не-Чирской и Нижне-Чирской на расстоянии суточного перехода, от станции выгрузки в 120–150 километрах. Линия передовых отрядов на реке Цимла также была впереди основного рубежа обороны армии в сорока-пятидесяти километрах. Войска армии после выгрузки из эшелонов должны были пройти пешим маршем от ста до двухсот километров.

Я зашел к начальнику оперативного отдела штаба фронта полковнику Рухле и, доказав невозможность выполнить директиву в установленный срок, попросил его доложить Военному совету фронта о том, что 64-я армия может занять оборонительный рубеж не раньше 23 июля.

Срок занятия оборонительного рубежа был исправлен с 19 на 21 июля.

Но и к 21 июля войска 64-й армии занять линию обороны, указанную штабом фронта, не могли.

Собирая войска, которые после выгрузки из вагонов следовали по степи на запад, к Дону, я заехал в штаб 62-й армии, находившейся в хуторе Камыши.

Командарм 62-й, высокий, стройный генерал-майор В. Я. Колпакчи и член Военного совета, чернобровый, с бритой головой дивизионный комиссар К. А. Гуров ознакомили меня с обстановкой.

Выбор оборонительной позиции для войск 62-й и 64-й армий был произведен штабом фронта по линии Клетская — Суровикино — Верхне-Солоновский — Суворовский — Верхне-Курмоярская. Передовым отрядам в составе усиленный батальон — полк предлагалось выйти на рубеж реки Цуцкан, Чир, Чернышковский и далее по р. Цимла.

По всем нашим уставам и наставлениям обороняющийся должен прежде всего оценить противника и местность, на которой он решает принять бой или сражение и разместить свои силы в наивыгоднейшем положении. Для обороняющегося местность всегда должна быть союзником, она должна дать ему тактические выгоды для контратак, для использования всех огневых средств, для маскировки.

В то же время местность должна по возможности затормозить движение и маневр наступающего, а при инженерном обеспечении сделать ее недоступной для танков, чтобы наступающий не имел скрытых подступов и как можно дольше находился под огнем обороняющегося.

Оборонительная линия для 62-й армии выбиралась без учета этих требований. Мы не успели использовать естественные преграды — реки, речушки и овраги, которые можно было легко усилить инженерными сооружениями и сделать их трудно-

доступными для наступающего, позиции были размещены в голой степи, в открытых для наблюдения и просмотра их как с земли, так и с воздуха. Много получилось разрывов между обороняющимися подразделениями и частями, особенно на правом фланге, которые давали возможность противнику охватывать позиции обороны и выходить ей в тыл.

Фронт обороны западнее р. Дон для четырех дивизий первого эшелона 62-й армии был растянут на 90 километров и для двух дивизий и одной бригады 64-й армии — на 50 километров. Особенно растянутой оказалась правофланговая, 192-я стрелковая дивизия. Около одной четвертой или даже одной третьей части дивизий первого эшелона были выделены в передовые отряды на удалении от главных сил на 40–50 километров, не имея ни артиллерийской, ни авиационной поддержки. Это еще больше ослабило главную полосу обороны, сократило до минимума вторые эшелоны и резервы дивизий первого эшелона.

В то же время дивизии первого эшелона, кроме передовых отрядов, высылали боевое охранение на рубеж р. Куртлак, Нестеркин, Бол. Торновский, на расстояние 20–25 километров от переднего края обороны. Боевое охранение также не могло поддерживаться даже дальним артиллерийским огнем. Оборона получилась четырехэтажная: передовые отряды в 50 километрах; боевое охранение — в 20–25 километрах; главная полоса и наконец последняя позиция вторых эшелонов или резерв дивизий и армии.

Штаб Сталинградского фронта находился в Сталинграде. Расстояние от штаба фронта до переднего края по прямой составляло 150–200 километров. Штаб 62-й армии разместился в 60–80 километрах от передовой, за Доном, на его восточном берегу. Штаб 64-й армии находился на расстоянии 30–40 километров от передовой. Руководить с такого расстояния войсками при тех несовершенных средствах связи, которыми мы тогда располагали, было затруднительно.

Общее настроение в штабе 62-й армии было приподнятое. Командующий армией генерал-майор Колпакчи заверил меня, что в ближайшие дни он попытается прощупать находящиеся против него силы противника.

Контакт с соседом справа был таким образом установлен, но о соседе слева никаких данных я все еще не имел. Была лишь известна разграничительная линия, которую прочертили на карте в оперативном отделе штаба фронта.

Войска 64-й армии, выполняя директиву фронта, двигались на запад, за Дон.

Мне, как заместителю командарма, пришлось принимать решения за командующего на организацию обороны.

Ознакомившись с обстановкой и сопоставив собранные в частях 62-й армии данные о противнике, на основании директивы фронта от 17.7 я принял решение: двумя стрелковыми дивизиями (229-й и 214-й), одной морской стрелковой бригадой (154-й) и одной танковой бригадой (121-й) занять рубеж на западном берегу Дона от Суровикино до станицы Суворовской. Левый участок фронта (Потемкинская, Верхне-Курмоярская) должна была оборонять 29-я дивизия. Во втором эшелоне, на реке Чир, в стыке 62-й и 64-й армий развертывалась 112-я стрелковая дивизия. 66-я морская стрелковая бригада, одна (137-я) танковая бригада, курсантские полки сосредоточивались во втором эшелоне в районе населенных пунктов по реке Мышковка. Командование фронта одобрило это решение.

Левее 64-й армии, по реке Дон, на юг от Верхне-Курмоярской, должны были обороняться части соседнего фронта, с которыми 64-я армия связи не имела.

Вечером 19 июля в штаб 64-й армии, который находился в хуторе Ильмень-Чирский, прибыл генерал В. Н. Гордов с предписанием вступить в командование 64-й армией. Я оставался его заместителем. Это был седеющий генерал-майор с усталыми серыми глазами.

Ознакомившись с моими решениями, Гордов, не внося ни одной серьезной поправки относительно расположения первого эшелона, утвердил их и приказал все выполнять. Что касается второго эшелона армии, то здесь командующий внес существенные изменения. Он приказал поставить 112-ю стрелковую дивизию не на стык 62-й и 64-й армий, а растянуть на внешнем, сталинградском оборонительном рубеже по реке Мышковка от хутора Логовского до Громославки; 66-я морская стрелковая бригада, 137-я танковая бригада, и полк курсантов военных училищ выводились на рубеж реки Аксай, то есть на левый фланг армии.

Этим решением генерал Гордов задерживал все резервы армии на восточном берегу Дона, и создаваемая западнее Дона оборона 64-й армии оставалась без второго эшелона и без резерва.

Утром 21 июля я выехал на оборонительный рубеж западнее реки Дон и два дня, 21 и 22 июля, занимался с командирами дивизий рекогносцировкой местности и выбором позиций. Полки и дивизии в это время еще совершали марш со

станций выгрузки и прибывали на позиции с опозданием и не в полном составе.

Выход частей и соединений 64-й армии на рубеж обороны в эти дни, несомненно, был зафиксирован противником: его разведывательные самолеты «фокке-вульф» подолгу кружили над нашими позициями; мы не могли вести с ними борьбу, ибо в армии не было зенитной артиллерии, а истребители воздушной армии фронта были заняты на другом участке фронта.

Материально-техническое обеспечение 64-й армии в звене армия — дивизия до начала боевых действий, т. е. до 25 июля, фактически организовано не было. Армейские тылы и снабженческие органы находились еще в эшелонах, растянутых от Тулы до Сталинграда. По существу 64-я армия до конца июля своего организованного тыла не имела. Даже дивизионные запасы были выгружены рассыпленно по многим станциям между Волгой и Доном и на волжских пристанях.

Материально-техническое снабжение 62-й армии, в основном, было нормальное, поскольку район ее формирования был на Волге, в районе Сталинграда. Управление и штаб тыла, возглавляемый генерал-майором Лобовым, размещался в районе станции и поселка Советский в 80-120 километрах от главной полосы обороны.

В связи со срочной организацией Сталинградского фронта тыловые органы не успели организовать надлежащего снабжения армий, особенно боеприпасами и инженерным имуществом.

На наше счастье у противника в 4-й танковой и 6-й армии в середине июля также начались перебои в снабжении горючим — это замедлило маневр некоторых его танковых дивизий и средств усиления.

4

Рассказывая о боях в большой излучине Дона, по существу на дальних подступах к Сталинграду, — трудно отделять боевые действия 62-й армии от боевых действий 64-й армии. Обе армии действовали по единому плану Сталинградского фронта, обороняться им приходилось от войск группы «Б», в частности, от ударов 6-й полевой армии под командованием Паулуса и 4-й танковой армии Гота.

Передовые отряды 62-й армии вели бои с противником, начиная с 17 июля. Они не ослабевали до 22 июля включительно.